

А.В. Смирнов

ФИЛОСОФИЯ СМЫСЛА

Смирнов Андрей Вадимович – доктор философских наук, академик РАН, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: public@avsmirnov.info

Преодоление негомогенности российской культуры, возникшей как побочный эффект петровских реформ, требует акцентировки логики соборной всесубъектности, заявившей о себе как о стержневой ценности в ходе многовековой истории России. Разрыв между культурой верхов, подпавших под влияние европеизма (феномен европейничанья, по Н.Я. Данилевскому), и массовой культурой низов, заданной логикой соборной всесубъектности, может быть преодолен через органичное усвоение прививки европейской культуры как одной из больших культур человечества путем встраивания европейского сегмента в матрицу всечеловеческого устройства российской культуры. Преодоление европейничанья, остающееся одной из насущных задач, – это преодоление догматического представления о европейской культуре как общечеловеческой. Ключевым для выполнения этой задачи является переход от мышления в терминах общечеловеческого к мышлению в категориях всечеловеческого, а опорой в ее выполнении служит история отечественной мысли, в которой начиная с XIX в. категория «всечеловеческое» разрабатывалась в оппозиции к категории «общечеловеческое». Смысл российской истории, скрепляющей ее воедино несмотря на все разрывы и революционные катастрофы, – это вызревание и осуществление логики соборной всесубъектности в практике российского культурного и цивилизационного строительства. «Человечество» может быть только соборным, но не унитарным, понятием, поскольку в своем развитии человечество развернуло несколько больших культур, каждая из которых построена на собственной внутренней логике, которая не может быть сведена к логике других больших культур. Осмысление практической проработки в истории России логики соборной всесубъектности как логики всечеловеческого планетарного устройства составляет насущную задачу отечественной философии, взятой как философия смысла.

Ключевые слова: соборность, всесубъектность, европейничанье, всечеловеческое, общечеловеческое

Для цитирования: Смирнов А.В. Философия смысла // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 3. С. 41–54.

Князь Николай Сергеевич Трубецкой (1890–1938), всемирно признанный филолог, один из создателей фонологии, основатель и ключевой представитель классического евразийства, писал в предисловии к своей вышедшей в 1920 г. книге «Европа и человечество»:

Мысли, высказанные в ней, сложились в моем сознании уже более 10 лет тому назад. С тех пор я много разговаривал на эти темы с разными людьми, желая либо проверить себя, либо убедить других... Из многочисленных разговоров я вынес впечатление, что большинство людей, с которыми приходилось встречаться, просто не понимают моих мыслей. И не понимают не потому, что бы я выражался неудобопонятно, а потому, что для большинства европейски образованных людей эти мысли почти органически неприемлемы как противоречащие каким-то непоколебимым психологическим устоям, на которых покоится европейское мышление¹.

Н.С. Трубецкой, представитель славного рода, давшего нашей стране знаменитых философов, историков, общественных деятелей, сам был, безусловно, европейски образованным человеком; и не просто образованным, а блестяще образованным. И вместе с тем он оказался одним из немногих российских интеллектуалов, которые сумели *переварить* европейское образование и *рефлексивно* отнестись к европейскому мышлению, европейскому разуму и европейской культуре. Этот блестящий образец рефлексии, имеющий немного параллелей, делает Н.С. Трубецкого выдающимся философом. Если бы от его наследия до нас дошли только процитированные строки, значение их оказалось бы не меньше, чем значение сократического «знаю, что ничего не знаю», положившего начало всей европейской эпистемологии. Но европейская философия уже выполнила свою работу, сделав сократическую максиму тем, чем она стала *после* того, как европейская философия прошла путь развития длиной в две с половиной тысячи лет. Русской философии еще только предстоит выполнить свою работу, извлекая из утверждения Трубецкого все следствия и ставя его на должное основание.

Основная мысль, которую проводит Н.С. Трубецкой в «Европе и человечестве», заключается в том, что европейская культура – лишь одна из многих местных культур, она *не обладает всеобщей обязательностью*, и приписывать ей таковую – ошибка. Эта простая с виду мысль влечет столь обширные следствия, что не могла не быть расценена как действительная угроза идеологии безальтернативности и, следовательно, тотального доминирования европейских культурных форм и европейского разума. Нам предстоит поговорить об этом; здесь пока что отметим, что вышедшая в 1978 г. книга Э. Саида «Ориентализм»², столь много шума наделавшая на Западе и хорошо известная и в наших интеллектуальных кругах, как раз, в отличие от книги Трубецкого, не ставит под вопрос единственность и безальтернативность Европы, но лишь смиренно просит ее *дать место* в этом мире и другим, неевропейским народам, перестав унижать их. Понятно, что саидовский «Ориентализм» не несет никакой угрозы европейскому доминированию, а потому был успешно «освоен» западной культурой и включен в ее дискурс. В отличие от этого, «Европа и человечество» Трубецкого намеренно замалчивалась, в том числе – что самое печальное – и у нас. Та самая

¹ Трубецкой Н.С. Европа и человечество. София, 1920. С. III–IV.

² Саид Э. Ориентализм: Западные концепции Востока. СПб., 2006.

«органическая неприемлемость», о которой говорит Трубецкой, сполна проявила себя здесь.

Где же искать истоки этих «психологических устоев», вызвавших неподдельное удивление Н.С. Трубецкого? (И действительно ли они – лишь психологические?)

В истории, скажут многие. Конечно же, укажут на реформы Петра I. В самом деле, тотальная ориентация на формы западной культуры, придание им абсолютной ценности и утверждение ничтожности собственной – вот тенденция, вот *факт умонастроения*, губительная диспозиция культуры, во всяком случае, культуры высших слоев общества, со времен Петра не ослабевающая, несмотря на смену эпох и политического строя. И проявляется она в мириадах фактов и черт, характеризующих общественное сознание. Однако ставить вопрос о петровских реформах в плоскости «или-или», ностальгируя по допетровской Руси и ее укладу, бесполезно хотя бы потому, что это не даст ответа на поставленный вопрос.

Реформы, проведенные Петром, были по сути своей необходимы. Но они не были необходимы в той форме, в какой были осуществлены. Их побочным, но оттого не менее губительным эффектом оказалось то, что была как будто выброшена та основа, что задавала жизнь культуре, в ее верхушечной части – не вообще. Что это за основа и как раскололась общественное сознание; почему культура смогла все же уберечь себя, стремясь это основание сохранить, не дать его окончательно размыть – об этом у нас пойдет речь. Пока что важно отметить, что петровская европеизация – верхушечное явление, она была проведена *ad hoc*, под нужды прежде всего флота и армии, а постольку, поскольку для их развития была необходима промышленность – то и под нужды развития промышленности, а значит, и европейской науки. Все это развивалось не из внутренней потребности, не опиралось на собственные основания, а было по форме своей *прививкой*.

Реформы были проведены слишком *быстро*. Такова была общая геополитическая ситуация: Россия нуждалась в быстрых догоняющих мерах, иначе Европа просто раздавила бы ее. Однако эти быстрые догоняющие меры, в свое время неизбежные, не были затем, наследниками Петра, восполнены настоящей культурной работой. Иначе говоря, русская культура, пережив шок верхушечной европейской прививки, не смогла до конца органично усвоить привитое. Не случайно Достоевский говорил с нескрываемой досадой, что двести лет уже «щепки летают»³, пора бы чему-нибудь в России да построиться. Н.С. Трубецкой дал точное описание этой болезни: раскол культуры на две части, верхушечную и низовую⁴, приведший к нарушению естественного для любой живой культуры соотношения между ними. Образованные творцы культуры, составляющие ее верхний слой, не наладили того естественного кровообращения идей и смыслов снизу доверху, которое

³ «Важнее для меня именно законченность форм и хоть какой-нибудь да порядок, и уже не предписанный, а самими наконец-то выжитый. Боже, да у нас именно важнее всего хоть какой-нибудь, да свой, наконец, порядок! В том заключалась надежда и, так сказать, отдых: хоть что-нибудь наконец построенное, а не вечная эта ломка, не летающие повсюду щепки, не мусор и сор, из которых вот уже двести лет все ничего не выходит» (*Достоевский Ф.М.* Подросток // *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. М., 1957. С. 622–623).

⁴ *Трубецкой Н.С.* Верх и низы русской культуры (Этническая основа русской культуры) // *Трубецкой Н.С.* К проблеме русского самопознания. Париж, 1927. С. 21–33.

составляет долговременное, на многие столетия, условие самостоятельного, самососредоточенного развития культуры. С этим трудно не согласиться. И хотя можно сделать немало оговорок в адрес этого построения, такие нюансировки не будут отрицать его правильности в главном. Две грандиозные катастрофы, пережитые нашей страной в 1917 и 1991 гг., имели основной своей причиной *негомогенность русской культуры*.

Огромное государство, каким была и остается Россия, не может существовать и развиваться, сохранять свою устойчивость, выживать в жестоких войнах и возрождаться после поражений, если не опирается на ощущаемое и разделяемое большинством, или даже всей массой народа, пусть смутное, но тем не менее настойчивое, интуитивное, без слов ясное ощущение, предчувствие, утопическое искание идеала. Именно и только это освещает жизнь и дарует силы, придает смысл происходящему и позволяет заглянуть за горизонт, увидеть небо тогда, когда голова опущена к земле. Этот смутный жизненный порыв, жизненное ощущение должно получить осмысление. Такое осмысление должно быть развито в разных формах. Оно поднимается снизу вверх, из толщи повседневности, из тех самых глубин «психологических устоев», получая первое выражение в стихийном художественном народном творчестве. Вышивка, ковка, деревянная резьба; народные песни, хоровое пение, частушки; народные сказки, приговоры и заговоры; всего ведь не перечислить: в этих сами собой возникающих, живущих без всякой «институционализации» формах творчества, где творцы не получают никакого «профессионального» образования, ближе всего и всего прямее выражается то, что обозначают малопонятным выражением «народный дух». Те самые «психологические устои» народа. Это действительно малопонятно – для того, кто не чувствовал этого пульса, этого биения подлинной жизни. И как таковое оно останется, конечно же, малопонятным и для самих творцов: эти формы народного творчества столь же естественны, сколь естественно для человека дышать или ходить; а значит, и не нуждается как будто ни в какой рефлексии. Это все – формы жизни и формы самовыражения, это не искусственно созданные культурные формы. Это значит, что эти устои должны обрести себя в понятии, чтобы стать понятными; чтобы, не переставая быть переживаемыми, они стали бы еще и мыслимыми. Процесс осмысления должен быть завершен, и он должен быть завершен в высших слоях культуры. Он должен, в конце концов, получить свое завершение в русской философии.

Именно и только этим определяется самососредоточенный взгляд на русскую философию, соответствующий задаче самососредоточенного развития культуры. Дело совершенно не в том, хорошо или плохо русская философия усвоила чьи-то уроки: это вопрос техники, а не сути.

Самососредоточенность, будь то культуры или философии (или отдельного человека), вовсе не означает самозамкнутости. Как раз наоборот: только самососредоточенность размыкает и человека, и философию, и культуру. Всем знаком подростковый синдром: не имея возможности опереться на самого себя, не находя в самом себе достаточной опоры, подрастающий человек снизу вверх смотрит на тех, кто уже достиг этого. Не понимая и не ощущая, в чем именно заключается самодостаточность, он отчаянно копирует внешние признаки, старается во всем походить на «взрослых» – внешне, не внутренне. Ведь настоящий взрослый никого не копирует, давно преодолев подростковый синдром. Так и философия, так и культура: не понимая

самих себя и, следовательно, себя не ценя, всё ищут, «делать жизнь с кого». Делать *свою* жизнь можно только с самого себя, не с другого.

Низовой слой культуры выступает хранителем жизненного уклада, базового мировоззрения. Он же бывает самым массовым. И на Руси, а затем и в России он был представлен деревенским укладом. То, что называют словом «деревня», было представлено в разных формах, существенно зависевших от расположения и почвенно-географических условий (лес или степь, черноземы или бедные земли, т.д.). Все это недостаточно изучено, недостаточно вошло в «научный оборот», и в этом сказывается наша невнимательность к самим себе: подростковый взгляд, ценящий внешнюю броскость другого и не распознающий в себе, гадком утенке, будущего лебедя. Но одно можно сказать с уверенностью: именно этот, низовой слой культуры, «мать сыра-земля», всегда составлял и составляет ее жизненную основу. В любой долгоживущей, жизнеспособной культуре легко обнаружить такой базовый, массовый и самый устойчивый, консервативный слой. Он будет представлен по-разному в разных культурах; но он непременно будет. Во второй половине XX в. наши «писатели-деревенщики» били тревогу по уходящей деревне: они чувствовали опасность очень быстрого, на протяжении пары поколений совершавшегося, переворота, угрожавшего размыть этот базовый слой, державший (и содержавший) устои культуры. Процесс окончательного умирания традиционной деревни в лесных областях европейской части (Тверская, Смоленская, Псковская, Новгородская области) завершается сегодня, на наших глазах: практически ушло последнее поколение, умевшее и желавшее жить деревенской жизнью, с ее особым жизненным укладом и особыми жизненными отношениями. Все это сегодня еще сохраняется в памяти и в старых, уже лишившихся (или почти лишившихся) своих носителей художественных формах. Сохранить, поелику возможно, это наследие – важнейшая культурная задача; хотелось бы быть уверенным в том, что она успешно решается⁵.

Массовое перемещение деревенского населения в город создало особый феномен «городского двора» 50-х – 80-х гг. прошлого века. Это было удивительным воспроизведением уклада деревенской жизни в условиях города: «двор», т.е. особая хозяйственная, внутренняя территория земли близ деревенского дома, стал городским. Городской двор того времени – совершенно не то же самое, что сообщества (community) американских малых городов или же наших сегодняшних коттеджных поселков, «элитных» и не очень. Двор сохранял общую жизнь в том, что выплескивалось в это пространство странной городской соборности из квартир, все прочнее замыкавших своих обитателей в непроницаемых стенах. Тогда же, в хрущевское и брежневское время начался процесс долгожданной ликвидации жуткого наследия большевистских приемов решения «квартирного вопроса», породивших нестерпимую коммунальную жизнь, редко когда имевшую некоторую долю очарования, но в целом неестественно лишившую человека его личной территории, каковой всегда был деревенский дом, объединявший семью. Очарование возникало тогда, когда обитателям коммуналки удавалось сохранить баланс между личной автономией, ограниченной рамками их комнат,

⁵ См., напр., многочисленные работы И.Е. Козновой об исторической памяти, в т.ч. крестьянства (*Кознова И.Е. Историческая память: проблемное поле современных исследований // Проблемы философии культуры. Вып. 2. М., 2014. С. 94–128 и др.*).

и соборностью жизни в пространстве «общего пользования»; но бывало это крайне редко.

Фильмы, спектакли, литература позднесоветского времени отразили протекавший в эпоху переселения из коммуналок в отдельные квартиры процесс *обособления* – и жизненного уклада, и жизненных интересов. Внешне это выразилось в постепенном умирании городского двора, сдавшего свои позиции так же, как в свое время сдала их его прародительница – деревня; отличие было в том, что двор умер гораздо быстрее – на протяжении жизни фактически одного поколения. А внутренне – в переакцентировке интересов и целей с того, что коммунистическая идеология называла «общественный интерес», на интерес личный. Эта переакцентировка затрагивала не только материальную, но, что самое главное, и духовную сторону.

Бездарность советского руководства, формировавшегося путем отрицательного отбора, когда вверх шли наименее творческие и инициативные, когда преимущество имели недалекие и покладистые, а наиболее умные выдавливались, если не хотели приспособиться к «условиям игры» (но и тогда они составляли в советском руководстве незначительное меньшинство, которое не смогло переломить катастрофический ход дел), – бездарность этого руководства выразилась прежде всего в том, что оно не смогло понять и удержать логику российской культуры, наполнить ею те формы, какие принимала тогда жизнь, подчинить их ей. Обладая высокоэффективной системой воспитания и формирования мировоззрения, каковой была отлично отлаженная советская система, они умудрились проиграть битву за умы собственного народа, населения собственной страны. Они не смогли сделать главного, что спасло бы ситуацию и предотвратило крах 1991 г. Они не смогли удержать *обособление* в рамках *соборности* и *всесубъектности*, давили на «общественный интерес», пустую форму, ставшую уже и пустым звоном, в который не верил никто, и прежде всего – те, кто об этом твердил.

Так подлинная логика соборности выделила два продукта своего распада: сугубый, доведенный до атомарности индивидуализм, последствия которого мы переживаем сегодня, с его крайним имморализмом, угрожающим разъеданием общественных устоев, с одной стороны; а с другой – псевдокоммунистический плоский «коллективизм», о котором история уже вынесла свое суждение.

Тут и там ощущаемая сегодня ностальгия по советскому времени – это ностальгия по плохо понимаемой соборности-всесубъектности. Попросту недалеким оказывается контраргумент тех, кто заявляет, что не хочет в «общество всеобщего дефицита» и «очереди за колбасой». В такое общество не хочет никто; а вот в общество, основанное на фундаменте соборной все-субъектности, хотят очень многие, и очень многие тоскуют по этому ощущению. Советский народ ведь, при всей необычной странности этого понятия, был попыткой осуществить по-своему, под извращающими саму идею соборности лозунгами коммунистического коллективизма, ту самую логику все-субъектности, что лежала (и, я уверен, продолжает лежать) в основании российского общества. Но и эти завоевания, за которые была заплачена слишком дорогая цена неисчислимого количества жизней, понезднесоветское руководство попросту растратило.

Это ощущение, этот жизненный ток соборной все-субъектности ни в коем случае нельзя утратить. Российское общество сегодня в разных, порой крайних, формах выставляет оборонительные шипы против того, что называют

«западные ценности». Философское раскрытие значения ценности жизненного ощущения соборной всесубъектности, традиционно задававшей бие-ние пульса российской жизни и ткавшего ее ткань, составляет важнейшую задачу русской философии сегодня. Это – не что иное, как конкретизация задачи самоосмысления, которая всегда стояла и стоит перед философией и которая выделяет ее среди прочих, в т.ч. близких, форм духовно-интеллектуальной деятельности. Задача именно и только философии – осмыслить предельные основания, вывести их на свет и показать их оправданность. Ощущение собственного достоинства в обществе не в последнюю очередь зависит от того, насколько успешно будет выполнена эта задача.

Вернемся к нашему вопросу: откуда те «психологические устои», о которых говорит Трубецкой? Почему они настолько глубоки, что практически не осознаются, так что дают о себе знать на уровне интеллектуального инстинкта, а не рефлексии? Я сказал, что причиной была *непереработанность* той *прививки* европейской культуры, которую получила Россия с реформами Петра, и ставшая следствием этого *негомogeneity* российской культуры, приведшая к двум величайшим катастрофам в русской истории XX в. Это означает, что внедрение европейского образа жизни и, главное, европейского образа мысли не было органически усвоено российской культурой, осталось хоть и работающим, но не переработанным сегментом. Пришло время расшифровать эти метафоры и показать их значение.

То явление, о котором я говорю, Н.Я. Данилевский (1822–1885) назвал «европейничанье»⁶. Слово, очевидно созвучное с «обезьяничаньем», стало хоть и язвительной и обидной, но все же верной характеристикой умонастроения и поведения значительной части российских интеллектуалов. Нельзя сказать, что эта характеристика утратила свою актуальность сегодня. Но за этим столь же метким, сколь и верным обозначением следует видеть суть. Европейничанье – лишь явление, хоть и стойкое, но само по себе не существенное. Существенно то, что стояло и стоит за ним. Чтобы понять это, надо спуститься на базовый эпистемологический уровень – уровень смыслополагания.

Н.Я. Данилевский был первым, кто предложил развернутое теоретическое наполнение категории «всечеловеческое», оттенив его противопоставлением категории «общечеловеческое»⁷. Для нас понять смысл, дойти

⁶ «Все формы европейничанья, которыми так богата русская жизнь, могут быть подведены под следующие три разряда: 1) искажение народного быта и замена форм его – формами чуждыми, иностранными; – искажение и замена, которые, начавшись с внешности, не могли не проникнуть в самый внутренний строй понятий и жизни высших слоев общества – и не проникать все глубже и глубже; 2) заимствование разных иностранных учреждений и пересадка их на русскую почву – с мыслью, что хорошее в одном месте должно быть и везде хорошо; 3) взгляд как на внутренние, так и на внешние отношения и вопросы русской жизни с иностранной, европейской точки зрения, рассматривание их в европейские очки, так сказать, в стекла, поляризованные под европейским углом наклона, причем нередко то, что должно бы нам казаться окруженным лучами самого блистательного света, является совершенным мраком и темнотою, и наоборот» (*Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому. СПб., 1895. С. 288).

⁷ «*Всечеловеческое...* надо отличать от *общечеловеческого*; оно, без сомнения, выше всякого отдельно-человеческого, или народного; но оно и состоит только из совокупности всего народного, во всех местах и временах существующего и имеющего существовать; оно несовместимо и неосуществимо в какой бы то ни было одной народности; действительность его может быть только разноместная и разновременная» (Там же. С. 128).

до сути этих двух категорий тем более важно, что в проекции на российское общественное сознание «общечеловеческое» напрямую связано с европейничаньем, тогда как «всечеловеческое» выражает избавленный от какого бы то ни было «...анья» взгляд на историю человечества. Это необходимо подчеркнуть еще и еще раз: Данилевского, не в последнюю очередь с легкой руки Н.Н. Страхова (его друга и издателя его трудов), уверенно записали в славянофилы и консерваторы. Эта характеристика продолжает воспроизводиться в трудах современных исследователей⁸ и даже переключалась в учебники⁹. Между тем Данилевский сформулировал концепцию всемирной истории, которая *не центрирована ни на какой из цивилизаций*. Именно это – отличительная и основная черта его теории, и она исключает его характеристику как славянофила, западника и т.п., поскольку все эти классификации промахиваются мимо главного: Данилевский не принадлежит ни к одному из этих рядов, он – незаурядный, совершенно новаторский для своего времени мыслитель. Он первым дал такое осмысление истории человечества, которое построено на логике соборной всесубъектности.

Данилевский не употребляет эти термины, и тем не менее сказанное верно. Указать на логику соборной всесубъектности – значит лишь расшифровать центральное для него противопоставление категорий «всечеловеческое» и «общечеловеческое». Это не меняет никакой из тезисов Данилевского, но раскрывает их и ставит в контекст нашего рассуждения.

Стержневая категория в учении Данилевского – категория «культурно-исторический тип» (КИТ). Отправляясь от нее, можно раскрыть все основные черты его учения, не упустив ничего существенного и вместе с тем не сосредотачиваясь на второстепенном. КИТ – категория динамическая и историческая: КИТы возникают, развиваются, достигают расцвета и угасают. КИТ составляют родственные по языку и этничности народы; они могут, при благоприятных исторических условиях и известном «напряжении сил», дойти до наивысшей из возможных точки развития и создать особую цивилизацию. История знала десять успешных культурно-исторических типов, некоторые из которых уже завершили свое развитие, другие продолжают развиваться; кроме того, некоторые КИТ погибли, уничтоженные внешним нашествием, не успев развиться (перуанский и мексиканский, например). Каждый КИТ в точке своего наивысшего развития порождает

⁸ Не так часто, к сожалению, приходится встречать верные оценки места теории Данилевского, ее новаторского характера и равноудаленности от западничества и славянофильства, как, напр., у Я.В. Гердт (*Гердт Я.В. К вопросу о формировании теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского // Вестник ЧелГУ. 2008. № 33. С. 150–154*).

⁹ Славянофильство, говорит Данилевский, «напирало на необходимость самобытного национального развития... отчасти потому, что... считало, будто бы славянам суждено разрешить общечеловеческую задачу, чего не могли сделать их предшественники. Такой задачи, однако же, вовсе не существует – по крайней мере в том смысле, чтобы ей когда-нибудь последовало конкретное решение, чтобы когда-нибудь какое-либо культурно-историческое племя ее осуществило для себя и для остального человечества» (*Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 121*). Яснее не скажешь: славянофильство и западничество – теории одного порядка, построенные на категории общечеловеческого; разница между ними лишь в том, что первые считали исполнителями общечеловеческой миссии славян, а вторые – романо-германцев. А теория Данилевского построена на категории всечеловеческого. Какой должна быть степень близорукости, степень невнимательности к основополагающим категориальным различиям, чтобы записывать Данилевского в почвенники и славянофилы?

особое, наивысшее достижение человеческого духа. Достичь такого совершенства не может более никакой другой КИТ, однако все могут пользоваться плодами развития любого из КИТ: такие наивысшие достижения и составляют «сокровищницу человечества».

Таким образом, у Данилевского «человечество» – категория соборная. Человечества *нет* как монолитного, единого в смысле одного субъекта развития, субъекта истории. Нет потому, что каждый из исторически существовавших КИТ реализует *отдельные* стороны человеческого духа. Их Данилевский называет «разряды» культурно-исторической деятельности. Таковых четыре: религиозная, культурная (в узком смысле), политическая и общественно-экономическая деятельность¹⁰. Здесь мы встречаемся с явным затруднением в построениях Данилевского: если «разряды» объясняют различие КИТ, то при том принципе группировки этих разрядов, которому следует Данилевский, их явно недостаточно для того, чтобы объяснить многочисленность и разнообразие КИТ. Кроме того, остается неясным, как «разряды» в том или ином своем сочетании связаны со стержнем образования КИТ, каковым служит этноязыковая общность народов, переживающих общий поток истории. И наконец, каково отношение «разрядов» и этноязыкового субстрата КИТ к «началам», благодаря которым КИТ единственно может выработать собственную цивилизацию, которые не передаются и не могут быть заимствованы и которые должны вырабатываться самостоятельно каждым КИТ¹¹.

Ситуация прояснится, если мы примем, что под «началами» Данилевский понимает *логику*, лежащую в основании разворачивания культуры и – при должном «напряжении сил» народов, которые способны составить КИТ – запускающую процесс постепенного создания всех атрибутов цивилизации: права и этики как важнейших регуляторных систем, общественной и политической организации, духовно-эстетической сферы, институционализации мировоззрения, идеологии и науки. Тот факт, что разные КИТ дают разные наивысшие достижения, которые другие КИТ способны ценить и использовать, даже воспроизводить, но не повторить, вполне объясняется различием логик, лежащих в основании разворачивания КИТ. Правда, число КИТ при этом придется существенно сократить, но это не меняет главного: каждый из КИТ (или, в моих терминах, каждая из больших культур, порождающих особую цивилизацию) построен на собственной логике, и именно это исключает возможность приравнять какой-либо из КИТ ко всему «человечеству» и объявить данную цивилизацию общечеловеческой. Иными словами, логика ни одной из больших культур не может быть принята как единственная и «общечеловеческая». Это и означает, что понятие «человечество» – понятие *соборное* в том смысле, что человечество представляет собой собрание больших культур, каждая из которых неповторима и не сводима ни к какой другой потому, что построена на своей, и только своей логике смыслополагания. Каждая из больших культур (каждый из КИТ,

¹⁰ Там же. С. 516.

¹¹ Третий закон развития КИТ звучит так: «Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя, при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций» (Там же. С. 68).

в терминологии Данилевского) имеет поэтому собственную, неутрачиваемую ценность.

Вот почему говорить об «общечеловеческом» – значит выдавать какой-то один КИТ, а значит, логику одной большой культуры за единственно возможную. «Общечеловеческое» не может быть ничем иным, нежели насильственной редукцией всего многообразия логик и, следовательно, многообразия разворачивания больших культур и цивилизаций, каждая из которых являет, по Данилевскому, какую-то особую сторону человеческого духа, – их редукцией к какой-то одной из логик, к какой-то одной из сторон духа. Это все равно что изъять из палитры художника все краски, кроме одной; запретить цвет и навязать монотонность. В черно-белых фотографиях есть свое очарование, свой профессионализм и свое высшее достижение, но мы почему-то не согласны ради этого отказаться ото всех цветов. И дело не в том, чтобы выбирать; дело в том, чтобы *собирать*. Монохром исключает цвет, но цвет не исключает монохрома. Логика соборной всесубъектности, логика всечеловеческого дает простор разворачиванию того, что предполагает любая из отдельных логик; но утверждение общечеловеческого характера любой из логик, любой из больших культур исключает разворачивание всех остальных. Логика всечеловеческого, логика соборной всесубъектности *сильнее* логики общечеловеческого, логики моносубъектности и отрицания соборности. Сильнее сугубо логически: всечеловеческое можно развернуть в общечеловеческое, но не наоборот. Проект всечеловеческого позволяет достичь всего того, чего достигает проект общечеловеческого; но он также *умножает общечеловеческое*, тем самым снимая его репрессивный по отношению к другим логикам культур характер.

В результате петровских реформ верхушечные слои российского общества усвоили представление о европейской культуре как общечеловеческой и, следовательно, единственно ценной. Так одна из возможных логик культур была воспринята как единственно возможная. Быстрое и во многом насильственное внедрение европейского образа жизни и мыслей *замещало*, а не *развивало*, логику соборной всесубъектности, которая задавала жизнь российской культуры. Это замещение произошло в высшем слое и ограничилось им. Тому были и объективные причины: вести «европейскую жизнь» могли только верхи, но не основная масса. Но и высший слой был не однороден, и в лице своих лучших представителей, в лице блестящей литературы, начиная с Пушкина, дал примеры художественного осмысления всесубъектности, осмысления всечеловеческого уже в профессионально-художественных формах. Таким образом, культурное движение «снизу вверх», движение осмысления и художественно-рафинированного творчества не остановилось вовсе в эпоху европейничанья.

Однако факт остается фактом: при всей верности сказанного возникло *объективное противоречие* между логикой общечеловеческого (читай – европейского) и логикой соборной всесубъектности (логикой всечеловеческого). Противоречие было объективным и в чисто логическом смысле, как если бы в эпоху теории относительности сформировался слой ученых, прочно держащихся ньютоновского мировоззрения: оно не то чтобы неверно, оно ограничено и ему не поспеть за объективными нуждами развития мысли. Так и русское европейничанье: будучи формой освоения прививки европейской логики смыслополагания, оно могло бы сыграть – и отчасти сыграло – свою благотворную роль, не только дав России долгожданный военный

паритет с Европой, без которого ей было попросту не выжить, но и выполнив куда более важную задачу – развив и обогатив логику всечеловеческого европейским вариантом ее разворачивания. Ведь логика соборной всесубъектности отнюдь не исключает европейского; она исключает его в качестве единственного и исключительного, в качестве ставящего себя на место всего прочего. Иначе говоря, логика всечеловеческого не только не воспрещает, но и предполагает свободу развития европейского варианта логики культуры – но как одного из вариантов всечеловеческого, а не как единственного общечеловеческого инварианта. Объективность противоречия – и в том, что российская верхушка эпохи европейничанья приняла второе за первое; утрав в массе своей (в массе верхушечного слоя, но не в массе народа; правду народа как раз всегда чувствовала русская интеллигенция, пусть и не всегда его понимая, и русское явление «хождения в народ» имело своим основанием эту тоску по соборной всесубъектности, по всечеловеческому, утраченному в слое европейничавших) живое ощущение всесубъектности, она на его место поставила логику общечеловеческого в ее европейском варианте.

Вот где исток необъяснимых, по слову Трубецкого, «психологических устоев», а на самом деле – устоев эпистемологических, тех проявлений европейничанья, с которыми он столкнулся. С тех пор мало что изменилось. Противопоставление верхушечного европейничанья и массовой, плохо осознаваемой, но оттого не менее жгучей тяги к соборной всесубъектности принимало новые формы, но осталось объективным противоречием, ставшим, как уже говорилось, глубинной причиной катастрофы 1991 г. Сумеет ли русская философия выполнить задачу, которую обозначили Данилевский и Трубецкой: преодолеть европейничанье, избыв подростковый синдром, и взять на себя ответственность за самого себя, – открытый вопрос, на который сегодня надо отвечать, поскольку стоит он как никогда остро.

Мой ответ – безусловно положительный: да, может; не только должна, но и может. Европейничавшим мы можем сказать: чтобы быть как Запад, надо не быть как Запад; Запад только потому стал тем, что он есть, что никогда и никому не подражал, всякий раз преодолевая соблазн *даром* воспользоваться плодами чужого труда и принять готовую высокоразвитую, но чужую культуру. А соблазны такие были – например, когда куда более развитая в культурном отношении, хотя и более молодая арабо-мусульманская культура в арабской Испании предлагала европейцам недостижимые для тогдашней христианской культуры образцы. Давайте послушаем автора того времени (Альвар Павел, IX век, Кордова):

Многие из моих единоверцев читают стихи и сказки арабов, изучают сочинения мусульманских философов и богословов не для того, чтобы их опровергать, а чтобы научиться как следует выражаться на арабском языке с большей правильностью и изяществом. Где теперь найдется хоть один, кто умел бы читать латинские комментарии на священное писание? Кто среди них изучает евангелия, пророков и апостолов? Увы! Все христианские юноши, которые выделяются своими способностями, знают только язык и литературу арабов, читают и ревностно изучают арабские книги, тратят громадные суммы, чтобы составить себе большие библиотеки, и во весь голос провозглашают, какого удивления достойна эта литература. Если им говорить о христианских книгах, они с презрением отвечают, что эти книги не заслуживают никакого внимания. О горе! Христиане даже забыли свой язык, и едва найдется один на тысячу, который сумел бы написать приятелю сносное латинское письмо. Наоборот, бесчисленны те, которые уме-

ют выражаться по-арабски в высшей степени изящно и сочиняют стихи на этом языке с большей красотой и искусством, чем сами арабы¹².

Разве не о «европейничаньи наоборот» идет здесь речь? Замените слова – и вы получите точное описание наших европейничающих, даже с избытком. Те, о ком говорит Альвар Павел, получили название «мосарабы»¹³ – искаженное *муста'риб* «арабизировавшийся». Значит, «мосарабство», или арабизация тогдашних европейцев – по сути то же явление, что и русское европейничанье: попытка переварить прививку более высокой, я бы сказал – подавляюще более высокой культуры. Запад давно с этой задачей справился. Но и у нас нет другого выхода, нежели эту задачу выполнить.

Чтобы это сделать, русской философии предстоит стать философией смысла. Это значит – суметь осмыслить российскую культуру, начиная с ее основания – с логики соборной всесубъектности, давшей, по выражению Н.И. Лапина, импульс историческому «всесубъектно собирающему созиданию» страны в его основных исторических этапах¹⁴. Философией смысла также и потому, что в таком случае она высветит смысл российской истории, протянутой из прошлого в будущее.

Список литературы

- Гердт Я.В.* К вопросу о формировании теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского // Вестник ЧелГУ. 2008. № 33. С. 150–154.
- Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому. СПб.: Тип. брат. Пантелеевых, 1895. 628 с.
- Достоевский Ф.М.* Подросток // *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. М.: Художественная литература, 1957. 657 с.
- Кознова И.Е.* Историческая память: проблемное поле современных исследований // Проблемы философии культуры. Вып. 2. М.: ИФ РАН, 2014. С. 94–128.
- Крачковский И.Ю.* Арабская культура в Испании. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937. 32 с.
- Лапин Н.И.* Вместо заключения. О методологии изучения локальных цивилизаций и сфер их бытия // Цивилизация: многозвучие смыслов. Memoria / Отв. ред., сост. А.В. Смирнов, Н.А. Касавина, С.А. Никольский. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2023. С. 497–529.
- Леви-Провансаль Э.* Арабская культура в Испании. Общий обзор / Пер. с фр. М.: Наука, 1967. 96 с.
- Саид Э.* Ориентализм: Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский мир, 2006. 640 с.
- Трубецкой Н.С.* Верхи и низы русской культуры (Этническая основа русской культуры) // *Трубецкой Н.С.* К проблеме русского самопознания. Париж: Издание евразийцев, 1927. С. 21–33.
- Трубецкой Н.С.* Европа и человечество. София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1920. 82 с.

¹² *Крачковский И.Ю.* Арабская культура в Испании. М.; Л., 1937. С. 11–12.

¹³ См., напр.: *Леви-Провансаль Э.* Арабская культура в Испании. Общий обзор. М., 1967. С. 56.

¹⁴ Их Николай Иванович обозначает как этапы, когда эта логика «выступала как русская православная идея, затем стала оформляться как великорусская, но после ордынской травмы обрела и сохраняет многоэтничный и разноконфессиональный российско-северо-евразийский характер» (*Лапин Н.И.* Вместо заключения. О методологии изучения локальных цивилизаций и сфер их бытия // Цивилизация: многозвучие смыслов. Memoria. М.; СПб., 2023. С. 506).

Philosophy of sense

Andrey V. Smirnov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: public@avsmirnov.info

Healing the inner rupture of Russian culture caused by the reforms of Peter the Great is an urgent need which is still on agenda. This task can be accomplished by relying upon the logic of *sobornost'* and *vsesubyechnost'* that manifested itself as the basic value in the course of millennium of Russian history. Implanting the European section into the overall layout of the *vsechelovecheskoye* design of Russian culture will help bridge the gap between the culture of the upper strata totally bound by the spirit of European domination (*evropeynichanye*, “Europe-apping”, according to N.Ya. Danilevsky) and the culture of the lower strata governed by the logic of *sobornost'* and *vsesubyechnost'*. To overcome Europe-apping, which is still a pressing task, means to overcome the dogma of European culture as *obshechelovecheskoye* (common to humankind) by basing the discourse on the *vsechelovecheskoye* category. *Vsechelovecheskoye*, as opposed to *obshechelovecheskoye*, was elaborated in Russian thought starting from the 19th century. Formation and manifestation of the logic of *sobornost'* and *vsesubyechnost'* represents the sense of the Russian history tying it together over all breaks and revolutionary catastrophes. “Humankind” can be conceived of only as a notion based on *sobornost'*, not as a unity of any kind, for it developed, in the course of its history, a number of the big cultures each of which based itself on its indigenous logic irreducible to the logic of any other big culture. The basic task the Russian philosophy faces, in order to develop itself as the philosophy of sense, is to study and elaborate on the actual manifestations of the logic of *sobornost'* and *vsesubyechnost'* in the course of Russian history as the logic of *vsechelovecheskoye* global design for humankind.

Keywords: *sobornost'*, *vsesubyechnost'*, *evropeynichanye*, Europe-apping, *vsechelovecheskoye*, *obshechelovecheskoye*

For citation: Smirnov, A.V. “Filosofiya smysla” [Philosophy of sense], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 3, pp. 41–54. (In Russian)

References

- Danilevskij, N.Ya. *Rossiya i Yevropa: vzglyad na kulturniye i politicheskiye otnosheniya slavyanskogo mira k romano-germanskomu* [Russia and Europe in Perspective of Cultural and Political Relation of the Slavic World to the German-Roman]. St. Petersburg: Tip. brat. Panteleevykh Publ., 1895. XLII, 629 pp. (In Russian)
- Dostoyevski, F.M. “Podrostok” [Teenager], in: F.M. Dostoyevski, *Sobraniye sochineniy* [Collected Works], Vol. 8. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1957. 657 pp. (In Russian)
- Gerdt, Ya.V. “K voprosu o formirovanii teorii kulturno-istoricheskikh tipov N.Ya. Danilevskogo” [Genesis of the cultural-historical types theory by N.Ya. Danilevsky], *Vestnik ChelGU* [Herald of Chelyabinsk State University], 2008, No. 33, pp. 150–154. (In Russian)
- Koznova, I.Ye. “Istoricheskaya pamyat’: problemnoye pole sovremennykh issledovaniy” [Historical memory: Scope of contemporary investigations], *Problemi filosofii kulturi* [Issues of philosophy of culture], Issue 2. Moscow: IPh RAS Publ., 2014, pp. 94–128. (In Russian)
- Krachkovski, I.Yu. *Arabskaya kul'tura v Ispanii* [Arabic culture in Spain]. Moscow; Leningrad: Akademiya nauk SSSR Publ., 1937. 32 pp. (In Russian)
- Lapin, N.I. “Vmesto zaklucheniya. O metodologii izucheniya lokal'nykh tsivilizatsiy i sfer ikh bitiya” [In place of Conclusion. Methodology of studying the local civilizations and the spheres of their being], *Tsivilisatsiya: mnogozvuchiye smyslov. Memoria* [Civilization:

- polyphony of meanings. Memoria], ed. by A.V. Smirnov, N.A. Kasavina, S.A. Nikol'ski. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnikh initsiativ Publ., 2023, pp. 497–529. (In Russian)
- Levi-Provençal, E. *Arabskaya kultura v Ispanii. Obshiy obzor* [La Civilisation Arabe en Espagne]. Moscow: Nauka Publ., 1967. 96 pp. (In Russian)
- Said, E.W. *Orientalizm: zapadniye kontseptsii vostoka* [Orientalism: Western Conceptions of the Orient], trans. by A.V. Govorunov. St. Petersburg: Russki mir Publ., 2006. 640 pp. (In Russian)
- Trubetskoy, N.S. *Yevropa i chelovechestvo* [Europe and Humankind]. Sofia: Rossiysko-bolgarskoye knigoizdatel'stvo, 1920. 82 pp. (In Russian)
- Trubetskoy, N.S. “Verkhi i nizy russkoy kulturi (etnicheskaya osnova russkoy kulturi)” [Upper and lower stratas of Russian culture (Ethnic basis of Russian culture)], in: N.S. Trubetskoy, *K probleme russkogo samopoznaniya* [Russia understanding itself]. Paris: Izdaniye evraziytsev, 1927, pp. 21–33. (In Russian)